Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 3 (23).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 3 (23), 2023.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2=411.2)+86.2
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-3-66-80
https://elibrary.ru/CYTTZO

© 2023. Ольга Богданова
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Семиотика дачи в рассказе Ф.М. Достоевского «Вечный муж»

© 2023. Olga A. Bogdanova
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The Semiotics of Dacha in Dostoevsky's Story "The Eternal Husband"

Информация об авторе: Ольга Алимовна Богданова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Отдел русской литературы конца XIX – начала XX века, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0001-7004-498X
E-mail: olgabogda@yandex.ru

Благодарности: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН на средства гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00051. https://rscf.ru/project/22-18-00051/

Аннотация: Рассказ Достоевского «Вечный муж» (1870) впервые в науке о писателе анализируется в свете присутствующей в нем усадебно-дачной топики и помещен в контекст развития «дачного текста» русской литературы XIX века. Также прослежена динамика восприятия дачи Достоевским: от положительных коннотаций в раннем творчестве до негативных, сниженно иронических — в позднем. Установлено, что если «усадебный текст» присутствует в большинстве сочинений писателя 1840–1870-х годов, то «дачный текст» — преимущественно в двух произведениях конца 1860-х годов: романе «Идиот» (1868) и рассказе «Вечный муж». Причина кратковременного увлечения Достоевского «дачным топосом» в пореформенную эпоху — поиск площадки для взаимодействия российских сословий по выработке общенационального мировоззрения и выявлению новых «лучших людей», будущих руководителей страны. Такую роль играли в «Идиоте» дачи Епанчиных и Лебедева. В написанном чуть позже «Вечном муже» дачи Погорельцевых и Захлебининых также

являются нейтральным, срединным пространством для равноправного диалога «людей разных миров»: великосветского льва Вельчанинова и провинциального чиновника Трусоцкого. Однако здесь происходит разочарование в социокультурных возможностях «дачного топоса»: теперь дача — лишь средоточие мещанской пошлости и посредственности, знак понижения личностного уровня человека по сравнению с усадьбой. Выводы Б.Н. Тихомирова об инволюции внутреннего мира Вельчанинова, сделанные на уровне характерологии, подтверждаются нашим анализом на уровне топики: духовно-нравственная деградация героя сопровождается его переходом из мира «усадебных» ценностей — в сферу «дачных» интересов, что соответствует заметной тенденции в жизни русского «образованного сословия» последней трети XIX века. Все это, на наш взгляд, способно объяснить отказ Достоевского от разработки «дачного топоса» в конце 1860-х годов и возврат к «усадебному топосу» в трех последних романах, написанных в 1870-е годы.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Вечный муж», русская усадьба, русская дача, «дачный текст», «дачный топос», «усадебный топос», динамика.

Для цитирования: *Богданова О.А.* Семиотика дачи в рассказе Ф.М. Достоевского «Вечный муж» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 3 (23). С. 66–80. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-3-66-80

Information about the author: Olga A. Bogdanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Department of Russian literature of the late 19th – early 20th century, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0001-7004-498X

E-mail: olgabogda@yandex.ru

Acknowledgements: The research was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00051 https://rscf.ru/project/22-18-00051/

Abstract: Dostoevsky's story “The Eternal Husband” (1870) is analyzed here for the first time in the light of the estate/dacha topics present in it and placed in the context of the development of the “dacha text” in 19th-century Russian literature. The dynamics of Dostoevsky's perception of the dacha are also traced: from positive connotations in early works to negative, ironic ones in late works. It is established that while the “estate text” is present in most of the writer's works of 1840s–1870s, the “dacha text” can be found mainly in two works of the late 1860s: the novel *The Idiot* (1868) and the story “The Eternal Husband.” The reason for Dostoevsky's short–term fascination with the “dacha *topos*” in the post-reform era is the search for a platform for the interaction between Russian social stratums to develop a nationwide worldview and identify the new “best people,” future leaders of the country. Such a role was played in *The Idiot* by the dachas of Epanchins and Lebedev. In “The Eternal Husband” the dachas of Pogoreltsevs and Zakhlebinins also serves as a neutral, middle space for an equal dialogue between “people of different worlds:” Velchaninov, a prominent figure of the high society, and Trusotsky, a provincial official. However, here the sociocultural possibilities of the “dacha topos” are disappointed: now the

dacha is only the focus of petty-bourgeois vulgarity and mediocrity, a sign of decrease compared to the estate. Boris Tikhomirov's conclusions about the involution of Velchaninov's inner world, made at the level of characterology, are confirmed by our analysis at the level of topics: the spiritual and moral degradation of the hero is accompanied by his transition from the world of "estate" values to the sphere of "dacha" interests, which corresponds to a noticeable trend in the life of the Russian educated class of the last third of the 19th century. In our opinion, this can explain Dostoevsky's refusal to develop the "dacha topos" in the late 1860s and return to the "estate topos" in the last three novels written in the 1870s.

Keywords: Dostoevsky, "The Eternal Husband," Russian estate, Russian dacha, dacha text, dacha topos, estate topos, dynamics.

For citation: Bogdanova, O.A. "The Semiotics of Dacha in Dostoevsky's Story 'The Eternal Husband'." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal,* no. 3 (23), 2023, pp. 66–80. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-3-66-80

Обратившись к топосам помещичьей усадьбы и дачи как наделенным особой семиотикой пространственным средам, увидим, что в русской литературе XIX–XX веков они долгое время сопутствовали друг другу, в разных пропорциях сочетаясь в произведениях многих писателей. Так, в творчестве Ф.М. Достоевского достаточно широко представлен топос сельской помещичьей усадьбы, например в романах «Село Степанчиково и его обитатели» (1859), «Бесы» (1872), «Подросток» (1875) и даже «Преступление и наказание» (1866), см.: [Макаричева, 2008], [Сафронова, 2018], [Богданова, 2010], [Богданова, 2022a], а разработку топоса дачи находим всего в двух художественных произведениях — романе «Идиот» (1868) и рассказе «Вечный муж» (1870). Дачная топика в «Идиоте» пока прицельно исследована только в одной из глав монографии О.А. Богдановой под названием «"Дачный топос" в романе Достоевского "Идиот"», см.: [Богданова, 2019, с. 72–90]. О топике дачи в «Вечном муже» как специальном предмете рассмотрения впервые пойдет речь в настоящей статье.

Предварительно отметим, что усадьба и дача хотя и родственные в ряде черт, но все же разные топосы. Их соотношение в русской литературе на протяжении XVIII–XXI веков сложное, неоднозначное и динамичное: то они противопоставлялись друг другу (в XIX веке), то почти сливались (на рубеже XIX–XX веков), то замещали один другой (в XX веке). О литературной даче начиная с рубежа XX–XXI веков писали В.Г. Щукин, Е.Е. Дмитриева, Стивен Ловелл, участники коллективной монографии "The Dacha Kingdom",

см.: [Щукин, 2007], [Дмитриева, Купцова, 2008], [Ловелл, 2008], [The Dacha Kingdom, 2009], а также такие авторы научной книжной серии «Русская усадьба в мировом контексте», как О.А. Богданова, см. также: [Богданова, 2022б], [Богданова, 2023], Э. Мари, Н. Шром и А. Ведель, Л.Ф. Луцевич, В.Э. Молодяков, Е.Н. Строганова, см.: [Русская усадьба, 2019–2021].

Если Щукин считает «дачный текст» разновидностью усадебного, то Стивен Ловелл — городского. Таким образом, оба исследователя отказывают литературной даче в самостоятельной топике. Хотя Ловелл при этом утверждает, что дача, как, впрочем, и усадьба, не просто место обитания, но «образ жизни», особая субкультура со своим «набором общественных ритуалов, <...> моделей поведения и культурных ценностей» [Ловелл, 2008, с. 102]. С 1860-х годов усадьба в литературе и журналистике постепенно превращается в символ высокой культуры русского Золотого века, а дача — в средоточие мещанской пошлости, см.: [Ловелл, 2008, с. 108]. Становится очевидным, что начиная с середины XIX века с дачей в русской литературе и культуре связан устойчивый комплекс значений, представлений и практик, существенно отличных как от города, так и от усадьбы. На наш взгляд, это является основанием для выделения самостоятельного «дачного топоса» и «дачного текста». По сути, исследование литературной дачи как автономного художественного пространства и фокуса узнаваемых семиотических кодов в русской словесности XVIII–XXI веков только начинается.

Вернемся к «Вечному мужу» Достоевского. Конечно, исследователи обращали внимание на место действия рассказа, упоминали два изображенных там дачных локуса (см., например: [Мочульский, 1995], [Криницын, 2012]), однако никто из них не увидел в этих элементах композиции той пространственной модели, которая способна серьезно повлиять на формирование концептосферы произведения. Прежде чем пролить некоторый свет на дачную топику рассказа, сделаем небольшой экскурс в предысторию «дачного текста» у Достоевского.

К дачной теме писатель обратился еще в 1840-е годы, в фельетонах «Петербургской летописи» (1847) и романе «Белые ночи» (1848). В фельетоне от 11 мая 1847 года он пишет о даче как горожанин, собирающийся переехать в другой, более благоприятный район: «Вы увидите, с каким неслыханным великолепием заселятся дачи, какие непостижимые костюмы запестреют в березовых рощицах и как все

будут довольны и счастливы» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 21]. В фельетоне от 1 июня летний дачный исход трактуется как фаза в жизни города: «<…> наш Петербург остается пустой, <…>, строится, чистится и как будто отдыхает <…>» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 23]. 15 июня хроникер констатирует: «Июнь месяц, жара, город пуст; все на даче и живут впечатлениями, наслаждаются природою» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 29]. Дача здесь неотъемлемая и лучшая часть «городского топоса», ресурс оздоровления и совершенствования, находящийся как бы внутри самого городского организма: «Дачная жизнь, полная внешних впечатлений, природа, движение, солнце, зелень и женщины, которые летом так хороши и добры, — все это чрезвычайно полезно для больного, странного и угрюмого Петербурга, в котором так скоро гибнет молодость, так скоро вянут надежды, так скоро портится здоровье и так скоро перерабатывается весь человек <…>» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 34]. Тот же пафос — в романе «Белые ночи».

В последующие два десятилетия дача не привлекает заметного внимания писателя: в ряде произведений она вообще не упомянута, в романах «Униженные и оскорбленные» (1860) и «Преступление и наказание» (1866) — от одного до трех раз в указанном значении. Что касается дальнейшего творчества, то в романах 1870-х годов «Бесы» (1872) и «Подросток» (1875) — по одному разу, в «Братьях Карамазовых» (1878–1880) — ни одного. Однако если дача и упоминается в «Дневнике писателя» и «Гражданине», то, в отличие от публицистики 1840-х годов, — в нейтрально-осведомительном (как место пребывания), или в негативно-сатирическом модусе: там происходят драки, истязания детей, обманы, адюльтеры, бытовые конфликты и т. п. Таким образом, в изображении Достоевского 1870-х годов дача целиком вписывается в общий сниженно иронический, мещански бытовой дискурс о ней, характерный для русской литературы и журналистики второй половины XIX века.

Исключение составляют два произведения конца 1860-х годов: резкий скачок интенсивности употребления слова «дача» и его производных — в романе «Идиот» (около ста раз) и в рассказе «Вечный муж» (около тридцати раз). В обоих бóльшая или существенная часть действия происходит на дачах. Возникает вопрос: почему писатель после кратковременного пристального внимания к даче во второй половине 1860-х годов оставляет ее и вновь обращается к другим топосам: столичному и провинциальному городу, усадьбе, — а при

редких упоминаниях дачи в 1870-е годы резко меняет тональность с панегирической, характерной для 1840-х годов, на сатирическую? Социально-исторические и политические причины вспыхнувшего в 1860-е годы интереса Достоевского к феномену дачи понятны из анализа романа «Идиот» — «дача представилась ему отвечающей современным реалиям площадкой для симпосиона сближавшихся в пореформенную эпоху российских сословий, в рамках которого вырабатывалось общенациональное мировоззрение и выявлялись новые "лучшие люди", будущие руководители страны» [Богданова, 2019, с. 80]. Безусловно, Достоевский использовал и свой личный опыт дачника — четыре лета (1860, 1863–1865 годов) в Павловске под Петербургом и лето в Люблине под Москвой 1866 года.

Так как изображение дачи в романе «Идиот» уже было исследовано нами, то в настоящей статье мы постараемся понять специфику «дачного топоса» в рассказе «Вечный муж». В первую очередь отметим его вариативность как локуса горя и смерти (дача Погорельцевых, частично восходящая к павловской даче, на которой в 1864 году умер любимый брат писателя Михаил) и локуса весеннего цветения жизни (дача Захлебининых, прототипически восходящая к даче сестры писателя В.М. Ивановой в подмосковном Люблине, где писатель счастливо провел лето 1866 года), а также социокультурную нейтральность, срединность, способствующую равноправному духовно-душевному диалогу (имплицитному в случае погорельцевской дачи) «людей разных миров» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 88]: великосветского льва Вельчанинова и провинциального чиновника Трусоцкого.

Литература о «Вечном муже» сама по себе немногочисленна, см.: [Петровский, 1928], [Бем, 1938], [Мочульский, 1995], [Кирпотин, 1980], [Мазель, 2007], [Пращерук, 2007], [Криницын, 2012], [Тихомиров, 2019], [Тоичкина, 2021], [Кибальник, 2022]; из нее можно выбрать всего несколько строк или абзацев, непосредственно анализирующих изображения дачи. Так, А.Б. Криницын пишет: «<...> у каждого из героев есть знакомая благополучная семья с множеством детей, проживающая на даче. Эти дачи символизируют семейную идиллию, о которой мечтают герои». Для Вельчанинова дача Погорельцевых — «идеальное пространство, объединяющее светлые воспоминания и мечту о будущем». «В свою очередь, у Трусоцкого с семьей Захлебининых связаны мечтания о новом семейном счастье». Оба пытаются «заманить» друг друга в свое «иде-

альное пространство», главным составляющим которого являются дети, см.: [Криницын, 2012, с. 139]. Однако главное внимание Криницын уделяет совсем иным аспектам рассказа, а именно — мотиву сюжетно-психологического двойничества. Другие же исследователи только упоминают дачи как точки на маршрутных линиях героев. При этом симптоматично, что С.А. Кибальник начинает свой анализ «Вечного мужа» с признания в том, что рассказ «остается до сих пор во многом неразгаданным произведением» [Кибальник, 2022, с. 65].

Попробуем глубже разобраться в семиотике обоих дачных локусов «Вечного мужа» исходя из исторических, социокультурных, биографических и творческих параметров, связанных с контекстом создания этого рассказа в 1860-е годы, переходное время в истории России. Во-первых, отметим, что в самом начале произведения сказано, что Вельчанинов занят в Петербурге судебной «тяжбой по имению» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 5], т. е. по загородной усадьбе, в которую он мог бы уехать на лето, но проводит его в городской пыли Петербурга. Забегая вперед скажем, что в конце концов он усадьбу теряет и получает взамен только деньги, что становится очевидным в эпилоге. Таким образом, на протяжении основного действия рассказа этот герой показан в процессе борьбы за усадьбу. Одновременно перед Вельчаниновым постоянно открыта возможность временно уехать на дачу, как бы не покидая Петербурга, оставаясь в пределах «городского топоса», чем он и пользуется, посещая дачи Погорельцевых и Захлебининых.

Не является ли переходность Вельчанинова из топики усадьбы в топику дачи социопространственной параллелью нравственной деградации этого героя, которую проследил в своей статье о «Вечном муже» Б.Н. Тихомиров, см.: [Тихомиров, 2019]? Полемизируя с предыдущими исследователями, в первую очередь с В.Я. Кирпотиным, Тихомиров указал на то, что «общая художественная концепция образа Вельчанинова в произведении существенно меняется в зависимости от того, основываемся ли мы на показаниях эпилога или же на всей полноте предшествующего текста» [Тихомиров, 2019, с. 83]. В самом деле, в начале и середине рассказа Вельчанинов — человек, в котором живы и готовы пробудиться «высшие» потребности духа, совесть, милосердие, ответственность за другого человека (новообретенную дочь Лизу); в эпилоге же это самодовольный пошляк, пустой и тщеславный «вечный любовник» как зеркальная оппозиция жалкому и смешному «вечному мужу» Трусоцкому. И если

у Достоевского здесь важна и выверена каждая деталь (а «Вечный муж», по мнению Н.Н. Страхова, М.А. Петровского, А.Л. Бема и К.В. Мочульского, — наиболее художественно совершенное произведение писателя, «шедевр русского повествовательного искусства» [Мочульский, 1995, с. 412]), то указания в эпилоге на потерю имения (усадьбы) — взамен денег для комфортной жизни — и поездку по железной дороге — неизменной спутнице дачной жизни — отнюдь не случайны.

Практически все названные исследователи отметили симметричность композиции «Вечного мужа»: «Построение рассказа поражает строгостью, пропорциональностью частей, единством плана и симметричностью эпизодов» [Мочульский, 1995, с. 412]. В поддержку этого наблюдения можно привести еще одно обстоятельство: кольцевое обыгрывание усадебно-дачной топики и векторное ее изменение. Так, в первой главе читаем о Вельчанинове: «Поездка его на юг России расстроилась», а делу — «тяжбе по имению» — «и конца не предвиделось», к тому же оно «принимало предурной оборот» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 5]. При этом адвокат «гнал» героя на дачу, куда тот не желал переселяться, включившись лично в дело сохранения для себя усадьбы. Напомним, что усадьба и дача — не просто топосы, но средоточие определенных и во многом разнонаправленных ценностей, образов жизни, моделей поведения, типов личности. Уже говорилось о том, что в годы либеральных реформ (1860-е) усадьба в русской литературе начинает восприниматься как восходящее к Золотому веку «культурное гнездо», подробнее см.: [Стернин, 1984, с. 186], а дача превращается «в почти нарицательное обозначение пошлости, прозаизма действительности, ее непривлекательных гримас» [Ловелл, 2008, с. 108]. Более того, по наблюдению Л.Н. Летягина, усадебная традиция, как «форма организации жизнедеятельности, <...> за короткий период формирует особый тип личности» [Летягин, 2004, с. 13], выработавший «все, что было в русской жизни спокойного, достойного, добротного, казавшегося утвержденным навсегда» [Бенуа, 1980, с. 505]. И вот на фоне «тяжбы по имению» в Вельчанинове актуализируются черты такой «усадебной личности» — «высшие» стремления, высоконравственные побуждения, любовь к идеалу, чистоте, доброте, жертвенности. Все это находит практическую реализацию на даче Погорельцевых в Лесном (говорящее название, указывающее на природное окружение локуса и его относительную удаленность от города). Важно, что это дача не

съемная, а собственная, пространственно замкнутое семейное гнездо со множеством детей, а для друга дома Вельчанинова — подлинный «родной угол». Это по сути традиционный усадебный локус патриархальной семьи с чадами, домочадцами, друзьями, гостями, где герой становится самим собой: «Здесь, в этой семье, он был прост, наивен, добр, нянчил детей, не ломался никогда, сознавался во всем и исповедовался во всем» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 39]. Со временем он мечтал совсем туда переселиться.

Тем не менее именно дача Погорельцевых становится локусом смерти ребенка — новообретенной дочери Вельчанинова Лизы, именно там рушатся мечты и надежды героя на новую жизнь, на «исцеление» не только тела, но души и духа. Возможно, поэтому она все же не усадьба, а разновидность дачи, пусть и идеализированной. Уход Лизы из жизни предопределяет крушение личности Вельчанинова, всего лучшего в нем. На общественно-историческом уровне это можно понять как смену социокультурных парадигм в России 1860-х годов: «усадебной культуры» — дачной, типа помещика — типом дачника. Смерть Лизы в этом смысле символизирует трагическую обреченность и гибель традиционной «усадебной культуры», как это видел Достоевский на рубеже 1860–1870-х годов.

Второй дачный локус в «Вечном муже» — дача Захлебининых — принципиально отличен от первого. Это уже настоящая дача — съемное летнее жилье, с бесформенным безликим домом, с общественным пространством — садом для нескольких дач. Она разомкнута, в ней пребывают уже не только семья и задушевные друзья дома, но многочисленные и часто случайные соседи и соседки, приезжие. Угол восприятия этой дачи задается писателем с первых же строк: отец семейства Захлебинин — видный чиновник, но не укоренен в жизни: «Живут, кажется, хорошо, а умри человек, и ничего не останется», — говорит о нем Трусоцкий [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 70]. Не случайно и то, что Захлебинин изначально выступал против Вельчанинова в судебном процессе по усадьбе; теперь же, принимая этого героя у себя на даче, «из прежнего “врага” совершенно обратился в приятеля» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 70]. Образ жизни здесь праздный, царит дух непритязательного юного веселья и одновременно — расчета, например все стремятся выдать замуж 24-хлетнюю старшую дочь Катю и ловят Вельчанинова как выгодного жениха. Симптоматично, что своими ухватками опытного соблазнителя этот герой нравится всем обитателям дачи,

в том числе «передовой» молодежи (Наде, Предпосылову, Лобову), имеет успех, вызывает доверие — т. е. именно этой стороной своей раздвоенной индивидуальности он органично вписывается в дачную обстановку, в дачную ментальность.

Показательно, однако, что во все время пребывания на даче Захлебининых, даже в процессе своей откровенно чувственной выходки — пения соблазнительного романса для Нади, юной невесты Трусоцкого, — «тоска почти не оставляла» Вельчанинова. «Перед тем как петь романс, он уже не знал, куда от нее деваться; может, оттого и пропел с таким увлечением» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 83]. В герое еще жива и предъявляет свои права высшая, «усадебная» сторона его личности. Вскоре он признается Трусоцкому: «<...> никогда и ничем я не унижал себя так, как сегодня, — во-первых, согласившись ехать с вами, и потом – тем, что было там... Это было так мелочно, так жалко... я опоганил и оподлил себя, связавшись... и позабыв...» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 85]. В последней фразе имеется в виду смерть Лизы, ее высокий трагизм. Очевидно, что окончательного перехода из усадебной топики в дачную у Вельчанинова еще не произошло. Но «подполье» этого героя, о котором пишут практически все названные исследователи, связано у Достоевского именно с дачей как социокультурной моделью (ср.: «<...> к концу борьбы (С Трусоцким. — *О. Б.*). Вельчанинов делает неожиданное и странное открытие: он сам такой же “подпольный человек”, как и его противник» [Мочульский, 1995, с. 415]).

В предпоследней, шестнадцатой главе рассказа показан итог внутреннего развития обоих героев, так и не сумевших выйти в свободно-личностное измерение из тесных шаблонов «вечного мужа» и «вечного любовника». Трагикомическая, но неудавшаяся попытка внутреннего освобождения Вельчанинова и Трусоцкого, стремление разбить оболочку стереотипов и составляет основной сюжет произведения, его сердцевину. В последней, семнадцатой главе, играющей роль эпилога, эти роли только закрепляются.

Действие происходит через два года на железной дороге, по которой оба героя направляются в Одессу (ср. с упоминанием о расстроившейся поездке Вельчанинова на юг России из-за «тяжбы по имению» в самом начале первой главы, что указывает на своего рода кольцевую композицию). Теперь же судебное дело закончено не в пользу героя («выигранный процесс» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 107] — ироническое утверждение, передающее авторскую

оценку внутреннего состояния Вельчанинова), усадьба для него потеряна, но ему достались деньги для безбедной комфортной жизни в собственное эгоистическое удовольствие — обедов, развлечений, флиртов, легких любовных связей с женщинами. Вельчанинов, как иронически замечает автор, «исправился», а свои «высшие» устремления и горькие воспоминания стал воспринимать как «болезнь» и «малодушие», см.: [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 106]. Другими словами, лучшая, «усадебная» сторона его личности умалилась до неразличимости, практически исчезла.

Торжество обыденности, посредственности, пошлости в этом герое раскрывается при неожиданной встрече с Трусоцким и его новой женой Липочкой на железнодорожной станции, где поезд ненадолго останавливается. И не случайно Вельчанинову «в одно мгновение представился <…> сад Захлебининых, невинные игры и докучливая лысая голова (Трусоцкого. — *О. Б.*), беспрерывно просовывавшаяся между ним и Надеждой Федоровной» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 109]. Яркое воспоминание о даче совмещено с поездкой по железной дороге, что создает картину полноценного «дачного топоса» в конце произведения. Как видим, выводы Тихомирова о Вельчанинове, сделанные на уровне характерологии, подтверждаются нашим анализом на уровне топики.

Таким образом, в рассказе происходит окончательная победа «дачной» системы ценностей в жизни Вельчанинова как обыденщины, пошлости и «уродства», см.: [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 103], что соответствует стойкой социокультурной тенденции в жизни русского «образованного сословия» последней трети XIX века. После исполненного надежд изображения дачи в «Идиоте», в «Вечном муже» Достоевский как бы прощается с ней, демонстрирует разочарование в даче как социокультурной модели будущего возрождения нации, принижает дачу по сравнению с усадьбой. Все это обусловило скорый возврат писателя к разработке «усадебного топоса» в романах «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы».

Список литературы

1. Бем, 1938 — *Бем А.Л.* Развертывание сна («Вечный муж» Достоевского) // *Бем А.Л.* Достоевский: психоаналитические этюды. Берлин: Б.и., 1938. С. 54–76.
2. Бенуа, 1980 — *Бенуа А.Н.* Мои воспоминания. М.: Наука, 1980. Т. 1. Кн. I–III. 711 с.

3. Богданова, 2010 — *Богданова О.А.* Место Ф.М. Достоевского в «усадебном тексте» русской литературы XIX — начала XX века. Социокультурный аспект // Универсалии русской литературы. 2. Сборник статей / отв. ред. А.А. Фаустов. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. С. 296–305.

4. Богданова, 2019 — *Богданова О.А.* Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1).

5. Богданова, 2022а — *Богданова О.А.* Русская усадьба в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 4 (20). С. 136–162. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-4-136-162

6. Богданова, 2022б — *Богданова О.А.* Формирование исследовательского тезауруса при изучении феномена дачи в русской литературе XIX–XXI вв. // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 3. С. 10–29.

7. Богданова, 2023 — *Богданова О.А.* «Дачный миф» в русской литературе рубежа XX– XXI вв.: случай Юрия Мамлеева // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 2. С. 200–219.

8. Дмитриева, Купцова, 2008 — *Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н.* Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. 2-е изд. М.: ОГИ, 2008. 528 с.

9. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

10. Кибальник, 2022 — *Кибальник С.А.* Криптопоэтика рассказа Достоевского «Вечный муж» и семейная драма Герцена и Огарева // *Кибальник С.А.* Тайнопись русских писателей: от Пушкина до Набокова. СПб.: ИД «Петрополис», 2022. С. 65–94.

11. Кирпотин, 1980 — *Кирпотин В.Я.* Рассказ «Вечный муж» и поэтика Достоевского // *Кирпотин В.Я.* Мир Достоевского: этюды и исследования. М.: Сов. писатель, 1980. С. 168–246.

12. Криницын, 2012 — *Криницын А.Б.* Сюжетно-мотивная структура повести Ф.М. Достоевского «Вечный муж» // Достоевский и мировая культура: Альманах. 2012. № 28. С. 114–160.

13. Летягин, 2004 — *Летягин Л.Н.* Усадебный металандшафт России // Русская усадьба: Сб. ОИРУ. М.: Жираф, 2004. Вып. 10 (26). С. 9–18.

14. Ловелл, 2008 — *Ловелл Ст.* Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000 / пер. с англ. СПб.: Академический проект: ДНК, 2008. 347 с.

15. Мазель, 2007 — *Мазель Р.О.* Вечный муж? Только с вечным любовником // *Мазель Р.О.* Достоевский. О всех и за вся. М.: Волшебный фонарь, 2007. С. 81–105.

16. Макаричева, 2008 — *Макаричева Н.А.* Парадигма «усадьба — дом — угол» в творчестве Достоевского // Усадьба реальная — усадьба литературная: Сб. статей. Мелихово: Гос. лит.-мемор. музей-заповедник А.П. Чехова, 2008. С. 224–229.

17. Мочульский, 1995 — *Мочульский К.В.* Флоренция и Дрезден. «Вечный муж» и «Житие великого грешника» // *Мочульский К.В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 409–420.

18. Петровский, 1928 — *Петровский М.А.* Композиция «Вечного мужа» // Достоевский: сб. ГАХН. М.: Б.и., 1928. С. 115–161.

19. Пращерук, 2007 — *Пращерук Н.В.* «Вечный муж» и «Бедная Лиза»: о двух произведениях вечной классики // Уральский филологический вестник. 2007. № 2. С. 207–218.

20. Русская усадьба, 2019–2021 — Русская усадьба в мировом контексте. М.: ИМЛИ РАН, 2019–2021. Вып. 1–3, 6. URL: http://litusadba.imli.ru/bibliotechka-po-usadebnoy-kulture (дата обращения: 26.06.2023).

21. Сафронова, 2018 — *Сафронова Е.Ю.* Genius loci в поэтике романа Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 3. С. 65–84.

22. Стернин, 1984 — *Стернин Г.Ю.* Абрамцево: от «усадьбы» к «даче» // *Стернин Г.Ю.* Русская художественная культура второй половины XIX — начала XX века. М.: Сов. художник, 1984. 296 с.

23. Тихомиров, 2019 — *Тихомиров Б.Н.* Рассказ Ф.М. Достоевского «Вечный муж». Опыт целостного прочтения // Достоевский и мировая культура: Альманах. 2019. № 37. С. 64–85.

24. Тоичкина, 2021 — *Тоичкина А.В.* Н.Н. Страхов, журнал «Заря» и творчество Ф.М. Достоевского конца 1860-х гг. // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2021. Т. 18. Вып. 3. С. 479–497.

25. Щукин, 2007 — *Щукин В.Г.* Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе // *Щукин В.Г.* Российский гений Просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. С. 157–460.

26. The Dacha Kingdom, 2009 — The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area / ed. by N. Bashmakoff and M. Ristolainen. Helsinki: Aleksanteri, 2009. Series 3. 508 p.

References

1. Bem, A.L. “Razvertyvanie sna (‘Vechnyi muzh’ Dostoevskogo)” [“The Unfolding of Sleep (Dostoevsky’s ‘The Eternal Husband’)”]. *Dostoevskii: psikhoanaliticheskie etiudy* [*Dostoevsky: Psychoanalytic Studies*]. Berlin, 1938, pp. 54–76. (In Russ.)

2. Benua, A.N. *Moi vospominaniia* [*My Memories*], vol. 1, book I–III. Moscow, Nauka Publ., 1980. 711 p. (In Russ.)

3. Bogdanova, O.A. “Mesto F.M. Dostoevskogo v ‘usadebnom tekste’ russkoi literatury XIX – nachala XX veka. Sotsiokul’turnyi aspekt” [“Dostoevsky’s Place in the ‘Estate Text’ of Russian Literature of the 19th – Early 20th Century. Sociocultural Aspect”]. Faustov, A.A., editor. *Universalii russkoi literatury. 2. Sbornik statei* [*Universals of Russian Literature. 2. Collected Articles*]. Voronezh, NAUKA-IuNIPRESS Publ., 2010, pp. 296–305. (In Russ.)

4. Bogdanova, O.A. *Usad’ba i dacha v russkoi literature XIX-XXI vv.: topika, dinamika, mifologiia* [*Estate and Dacha in Russian Literature of the 19th–21st Centuries: Topics, Dynamics, Mythology*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 288 p. (In Russ.)

5. Bogdanova, O.A. “Russkaia usad’ba v romane F.M. Dostoevskogo ‘Prestuplenie i nakazanie’” [“Russian Estate in Dostoevsky’s Novel *Crime and Punishment*”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (20), 2022, pp. 136–162. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-4-136-162

6. Bogdanova, O.A. “Formirovanie issledovatel’skogo tezaurusa pri izuchenii fenomena dachi v russkoi literature XIX–XXI vv.” [“Formation of a Research Thesaurus in the Study of the Phenomenon of the Cottage in Russian Literature of the 19th–21st Centuries”]. *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 3, 2022, pp. 10–29. (In Russ.)

7. Bogdanova, O.A. “‘Dachnyi mif’ v russkoi literature rubezha XX–XXI vv.: sluchai Iuriia Mamleeva” [“The ‘Dacha Myth’ in Russian Literature at the Turn of the 20th–21st Centuries: The Case of Yuri Mamleev”]. *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 2, 2023, pp. 200–219. (In Russ.)

8. Dmitrieva, E.E., and Kuptsova, O.N. *Zhizn’ usadebnogo mifa: utrachennyi i obretennyi rai* [*The Life of the Estate Myth: Paradise Lost and Found*]. 2nd Edition. Moscow, OGI Publ., 2008. 528 p. (In Russ.)

9. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

10. Kibal’nik, S.A. “Kriptopoetika rasskaza Dostoevskogo ‘Vechnyi muzh’ i semeinaia drama Gertsena i Ogareva” [“Cryptopoetics of Dostoevsky’s Story ‘The Eternal Husband’ and the Family Drama of Herzen and Ogarev”]. *Tainopis’ russkikh pisatelei: ot Pushkina do Nabokova* [*The Secret Writings of Russian Writers: from Pushkin to Nabokov*]. St. Petersburg, ID “Petropolis” Publ., 2022, pp. 65–94. (In Russ.)

11. Kirpotin, V.Ia. “Rasskaz ‘Vechnyi muzh’ i poetika Dostoevskogo” [“The Story ‘The Eternal Husband’ and Dostoevsky’s Poetics”]. *Mir Dostoevskogo: etiudy i issledovaniia* [*Dostoevsky’s World: Sketches and Studies*]. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1980, pp. 168–246. (In Russ.)

12. Krinitsyn, A.B. “Siuzhetno-motivnaia struktura povesti F.M. Dostoevskogo ‘Vechnyi muzh’” [“The Plot-Motive Structure of Dostoevsky’s Story ‘The Eternal Husband’”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Al’manakh*, no. 28, 2012, pp. 114–160. (In Russ.)

13. Letiagin, L.N. “Usadebnyi metalandshaft Rossii” [“The Estate Metalandscape of Russia”]. *Russkaia usad’ba: Sbornik OIRU* [*Russian Estate: Collection of the Society for the Study of the Russian Estate*], issue 10 (26). Moscow, Zhiraf Publ., 2004, pp. 9–18. (In Russ.)

14. Lovell, Stephen. *Dachniki: istoriia letnego zhit’ia v Rossii, 1710–2000* [*Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000*]. Trans. from English. St. Petersburg, Akademicheskii proekt: DNK Publ., 2008. 347 p. (In Russ.)

15. Mazel’, R.O. “Vechnyi muzh? Tol’ko s vechnym liubovnikom” [“Eternal Husband? Only With an Eternal Lover”]. *Dostoevskii. O vsekh i za vsia* [*Dostoevsky. About Everyone and for Everything*]. Moscow, Volshebnyi fonar’ Publ., 2007, pp. 81–105. (In Russ.)

16. Makaricheva, N.A. “Paradigma ‘usad’ba — dom — ugol’ v tvorchestve Dostoevskogo” [“The Paradigm of ‘Estate — House — Corner’ in Dostoevsky’s Works”]. *Usad’ba real’naia — usad’ba literaturnaia: Sbornik statei* [*Real and Literary Estates: Collected Articles*]. Melikhovo, Gos. lit.-memor. muzei-zapovednik A.P. Chekhova Publ., 2008, pp. 224–229. (In Russ.)

17. Mochul’skii, K.V. “Florentsiia i Drezden. ‘Vechnyi muzh’ i ‘Zhitie velikogo greshnika’” [“Florence and Dresden. ‘The Eternal Husband’ and *The Life of a Great Sinner*”]. *Gogol’. Solov’ev. Dostoevskii* [*Gogol. Solovyov. Dostoevsky*]. Moscow, Respublika Publ., 1995, pp. 409–420. (In Russ.)

18. Petrovskii, M.A. “Kompozitsiia ‘Vechnogo muzha’” [“The Composition of ‘The Eternal Husband’”]. *Dostoevskii: sbornik GAKhN* [*Dostoevsky: Collection of the State Academy of Art Sciences*]. Moscow, 1928, pp. 115–161. (In Russ.)

19. Prashcheruk, N.V. “Vechnyi muzh” i “Bednaia Liza”: o dvukh proizvedeniiakh vechnoi klassiki [“‘The Eternal Husband’ and ‘Poor Lisa:’ About Two Eternal Classics”]. *Ural’skii filologicheskii vestnik*, no. 2, 2007, pp. 207–218. (In Russ.)

20. *Russkaia usad'ba v mirovom kontekste* [*Russian Estate in a Global Context*], issue 1–3, 6. Moscow, IWL RAS Publ., 2019–2021. Available at: http://litusadba.imli.ru/bibliotechka-po-usadebnoy-kulture (Accessed 26 June 2023) (In Russ.)

21. Safronova, E.Iu. "Genius loci v poetike romana F.M. Dostoevskogo 'Selo Stepanchikovo i ego obitateli'" ["Genius Loci in the Poetics of Dostoevsky's Novel *The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants*"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 16, no. 3, 2018, pp. 65–84. (In Russ.)

22. Sternin, G.Iu. "Abramtsevo: ot 'usad'by' k 'dache'" ["Abramtsevo: From 'Estate' to 'Dacha'"]. *Russkaia khudozhestvennaia kul'tura vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka* [*Russian Art Culture of the Second Half of the 19th – Early 20th Century*]. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1984. 296 p. (In Russ.)

23. Tikhomirov, B.N. "Rasskaz F.M. Dostoevskogo 'Vechnyi muzh'. Opyt tselostnogo prochteniia" ["Dostoevsky's Story 'The Eternal Husband.' An Experience of Holistic Reading"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Al'manakh*, no. 37, 2019, pp. 64–85. (In Russ.)

24. Toichkina, A.V. "N.N. Strakhov, zhurnal 'Zaria' i tvorchestvo F.M. Dostoevskogo kontsa 1860-kh gg." ["N.N. Strakhov, the Magazine *Zaria* and Dostoevsky's Work in the Late 1860s"]. *Vestnik SPbGU. Iazyk i literatura*, vol. 18, issue 3, 2021, pp. 479–497. (In Russ.)

25. Shchukin, V.G. "Mif dvorianskogo gnezda. Geokul'turologicheskoe issledovanie po russkoi klassicheskoi literature" ["The Myth of the Noble Nest. Geoculturological Research on Russian Classical Literature"]. *Rossiiskii genii Prosveshcheniia. Issledovaniia v oblasti mifopoetiki i istorii idei* [*The Russian Genius of Enlightenment. Research in the Field of Mythopoetic and the History of Ideas*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007, pp. 157–460. (In Russ.)

26. Bashmakoff, Natalia, and Ristolainen, Mari. *The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area*. Helsinki, Aleksanteri Series 3, 2009. 508 p. (In Russ. and English)

Статья поступила в редакцию: 27.06.2023
Одобрена после рецензирования: 12.07.2023
Принята к публикации: 13.07.2023
Дата публикации: 25.09.2023

The article was submitted: 27 June 2023
Approved after reviewing: 12 July 2023
Accepted for publication: 13 July 2023
Date of publication: 25 Sept. 2023